

В канун Рождества детей советника медицины Штальбаума весь день не пускали в гостиную. Пока совсем не стемнеет, Фрицу и Мари приходилось сидеть в уголке маленькой спальни, и оттого им было страшно: по обычаю рождественской ночи никто не вносил в их комнату лампу. Будто побаиваясь говорить вслух, Фриц шёпотом поведал своей семилетней сестрёнке, что с самого утра из зала доносился шум, непонятное шуршание и постукивание. И ещё он видел в прихожей невысокого человечка с большой коробкой в руках. Фриц не разглядел его, но заподозрил, что это их крёстный — Дроссельмейер. Мари от радости захлопала в ладоши:

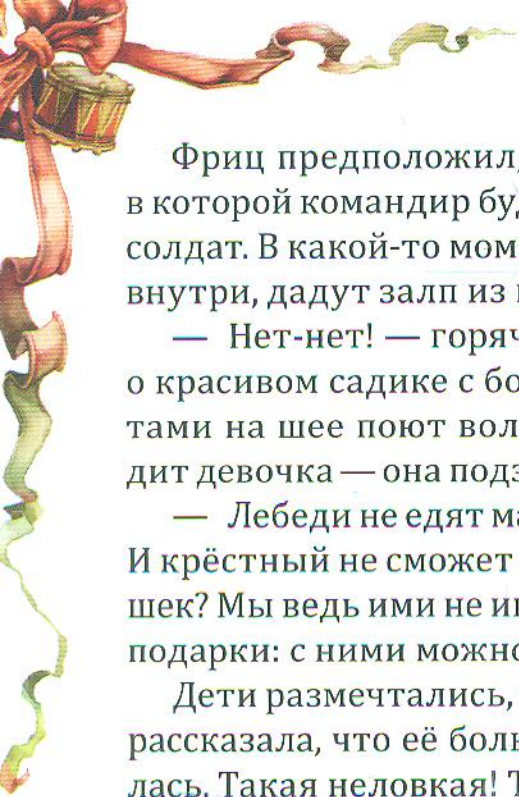
— Ой, вот бы знать, что он смастерил для нас в этот раз!

Дроссельмейер, старший советник суда, был низенький и худой, а его лицо испещряли морщины. На правом глазу у него красовался большой чёрный пластырь, а лысину на голове прикрывал парик — следует отметить, очень красивый парик: белый, искусно отлитый из стекла. У крёстного были золотые руки, он знал толк в часах и умел их мастерить. Поэтому, когда какие-то часы у Штальбаумов останавливались или не хотели петь, приходил Дроссельмейер, снимал свой стеклянный парик, сбрасывал жёлтый сюртук, повязывал синий передник, доставал острые инструменты и принимался так нещадно тыкать ими в часы, что у маленькой Мари внутри всё сжималось от жалости. Но те снова оживали — начинали бодро тикать, выводить свою мелодию и радовать всех весёлым звоном.

Всякий раз крёстный выуживал из кармана какую-нибудь интересную для детей вещицу: то деревянного человечка, который умел смешно водить глазами и кланяться, то шкатулку, откуда выпархивала птичка, то ещё что-то занимательное. А на Рождество он мастерил особенно затайливую игрушку, над которой долго трудился, и после праздника родители тут же заботливо убрали его подарок.

Потому-то Мари и воскликнула:

— Ой, вот бы узнать, что он смастерил для нас в этот раз!

Фриц предположил, что, скорее всего, крёстный соорудил крепость, в которой командир будет муштровать восхитительных, нарядно одетых солдат. В какой-то момент на крепость нападут другие солдаты, и те, что внутри, дадут залп из всех пушек, из-за чего поднимется жуткий грохот.

— Нет-нет! — горячо возразила Мари. — Крёстный рассказывал мне о красивом садике с большим озером, где белые лебеди с золотыми лентами на шее поют волшебные песни. К озеру время от времени приходит девочка — она подзывает птиц и кормит их сладкими марципанами...

— Лебеди не едят марципанов! — не особо вежливо перебил её Фриц. — И крёстный не сможет сделать и озеро, и сад. Да и какой толк от его игрушек? Мы ведь ими не играем. Нет, мне больше нравятся папины и мамины подарки: с ними можно играть сколько угодно.

Дети размечтались, чего бы им хотелось в подарок от родителей. Мари рассказала, что её большая кукла — фройляйн Трудхен — очень изменилась. Такая неловкая! То и дело падает на пол, отчего у неё всё лицо в царапинах. Об одежде и говорить нечего — сколько ни напоминай ей, что нужно быть аккуратнее, ничего не помогает. А мама так ласково улыбалась, слушая, как Мари расхваливает новый зонтик Греты!

Фриц же заявил, что в его конюшне не хватает красивого гнедого коня, и вообще в его войске маловато кавалерии, и папе это хорошо известно.

Дети знали, что папа и мама купили им много-много разных подарков.

Мари задумалась, а Фриц пробормотал:

— А всё же мне хотелось бы гнедого коня и гусаров!

Тем временем комнату накрыла непроглядная темень. Дети сидели молча, тесно прижавшись друг к дружке. Им чудился какой-то шорох, какая-то далёкая прекрасная музыка.

Вдруг по стене скользнул лучик, и в тот же миг прозвучал волшебный звон колокольчика: динь-динь! Двери распахнулись, и из комнаты хлынул целый поток света.

— Ого! — восторженно воскликнули дети при виде ёлки и замерли на пороге.

Из гостиной к ним вышли папа и мама, взяли их за руки и сказали:

— Идёмте, милые, идёмте! Посмотрите, какие подарки вас ждут.

Глава II

Подарки

А теперь вспомни, дорогой мой читатель (а может быть, слушатель), свой последний рождественский праздник. Представь себе стол, заваленный подарками, о которых ты так мечтал, — и поймёшь, что чувствовали Фриц и Мари. На какое-то мгновение дети застыли на месте, и только по их сияющим глазам можно было понять, насколько они рады.

— Как чудесно!.. Как чудесно! — со вздохом произнесла наконец Мари.

А Фриц ничего не сказал, лишь несколько раз высоко подпрыгнул (уж на что, а на это он был мастак). Таких замечательных подарков у них ещё не было! А значит, весь год они вели себя примерно и делали хорошие дела.

Посреди гостиной возвышалась большая ёлка, вся увешанная золотыми и серебряными яблоками. На каждой ветке, словно бутоны и цветы, висели засахаренные миндальные орехи, пёстрые конфеты и другие лакомства. А главным украшением были сотни маленьких свечек, что поблёскивали звёздочками в тёмных ветвях. Излучая счастье и радость, ёлка будто бы приглашала попробовать её плоды. А вокруг чего только не было! И всё искрилось, сверкало, манило к себе, подзывало разглядеть получше.

Мари увидела и кукол, и милые игрушечные тарелочки с чашечками, но больше всего её порадовало шёлковое платье с отделкой из пёстрых лент. Оно висело на плечиках так, что рассмотреть его можно было со всех сторон. Мари обошла вокруг несколько раз, то и дело повторяя:

— До чего же красиво! Какое чудное платьице! Надеюсь, мне разрешат его надеть. Ну конечно же, разрешат!

Между тем Фриц уже раза четыре то медленно, то быстро объехал ёлку на новом гнедом скакуне (тот вполне ожидаемо стоял на привязи около стола с подарками) и в конце концов выкрикнул:

— Ну и норовистый! Но ничего, я его усмирю.

Затем слез с коня и принялся осматривать новый эскадрон гусаров. Одеты они были в красные мундиры с золотой отделкой, в руках держали серебряные сабельки, а сидели на белоснежных конях, которые, казалось, тоже были отлиты из настоящего серебра.

Немного уgomонившись, Фриц и Мари решили полистать новые книжки, которые лежали раскрытыми на столе. Картинки там были просто загляденье: дивные цветы, пёстро разодетые люди, играющие малыши — всё словно живое! Но тут снова прозвучал колокольчик, возвестив, что пришёл черёд подарков крёстного Дроссельмейера. Дети бросились к окну, где стоял загороженный ширмой стол, ширму быстро отодвинули, и — мамочки! — все увидели...

Прекрасный замок, что высился на зелёной лужайке, усеянной красными цветами, и сверкал множеством зеркальных окон и позолоченных башенок. С новым перезвоном колокольчиков двери распахнулись, и оттуда вышли крошечные люди — красавицы в платьях с длинными шлейфами и их спутники в шляпах с перьями. Они прогуливались туда-сюда, а в большом зале, где сияло множество свечечек в серебряных подсвечниках, под музыку плясали дети в коротеньких штанишках и платьицах. Затем в окно выглянул господин в светло-зелёном плаще — помахал всем рукой и спрятался. Даже сам Дроссельмейер, только росточком с палец, вынырнул из парадного входа и снова возвратился внутрь.

Облокотившись на стол, Фриц долго смотрел на волшебный замок и танцующие фигурки, а потом вдруг спросил:

— Дядя Дроссельмейер, а можно и мне туда войти?

— Нет, нельзя!

Фриц, конечно же, прекрасно понимал, что глупо проситься в замок, который со всеми своими башенками гораздо меньше него. Он ещё немного посмотрел на расхаживающих девушек и юношей, на неустанно танцующих детей, на господина в светло-зелёном плаще, выглядывающего в окошко, на Дроссельмейера, который то появлялся, то исчезал... Наконец его терпенье лопнуло, и он раздражённо воскликнул:

— Крёстный, ну хоть разок подойди к другой двери!

— Не получится, дружок, — ответил Дроссельмейер.

— Ну тогда пусть этот господин, выглядывающий в окно, погуляет в зале с остальными.

— Не выйдет, — снова ответил крёстный.

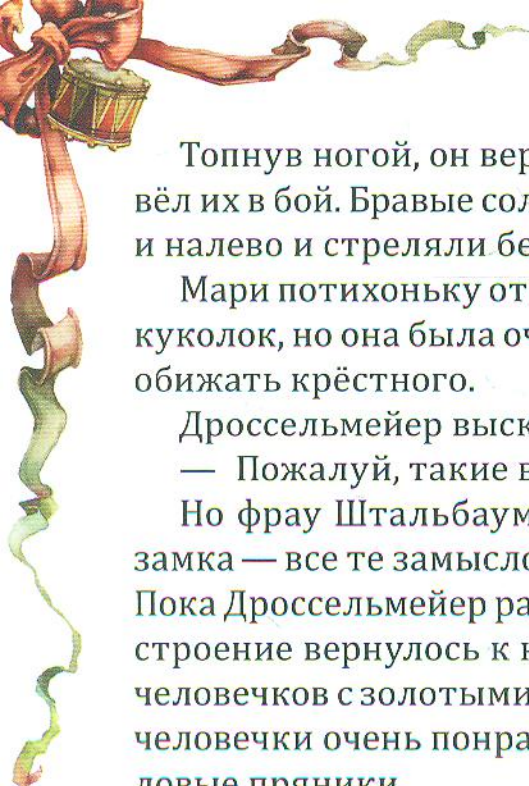
— Ну тогда пусть дети выйдут из зала — я хочу их разглядеть!

— Ничего этого сделать нельзя, — сердито пробурчал Дроссельмейер. — Механизм устроен именно так. Его не переиначить.

— Во-от! — протянул Фриц. — Ничего нельзя? Раз так, дядя Дроссельмейер, то мне скучно смотреть на этих нарядных человечков, которые повторяют одно и то же. Мои гусары куда лучше: они не сидят взаперти и могут ехать туда, куда мне вздумается.

Топнув ногой, он вернулся к своим гусарам на серебряных конях и повёл их в бой. Бравые солдаты скакали взад-вперёд, рубили врагов направо и налево и стреляли без остановки.

Мари потихоньку отошла от стола. Ей тоже немного надоели прогулки куколок, но она была очень хорошей, доброй девочкой, поэтому не хотела обижать крёстного.

Дроссельмейер высказал родителям своё недовольство:

— Пожалуй, такие вещи не для детей. Я заберу свой замок назад.

Но фрау Штальбаум попросила показать ей внутреннее устройство замка — все те замысловатые колёсики, что приводят кукол в движение. Пока Дроссельмейер разбирал и снова собирал свою игрушку, весёлое настроение вернулось к нему, и он подарил детям нескольких коричневых человечков с золотыми личиками, ручками и ножками. Фрицу и Мари эти человечки очень понравились, ведь пахли они приятно и сладко, как медовые пряники.

Фрау Штальбаум предложила старшей дочери Луизе надеть красивое праздничное платье, которое было среди подарков. Девочке наряд оказался очень к лицу! Но когда настала очередь Мари примерить своё шёлковое платье, она сказала, что хочет ещё немного просто полюбоваться. Мама улыбнулась и не стала возражать.

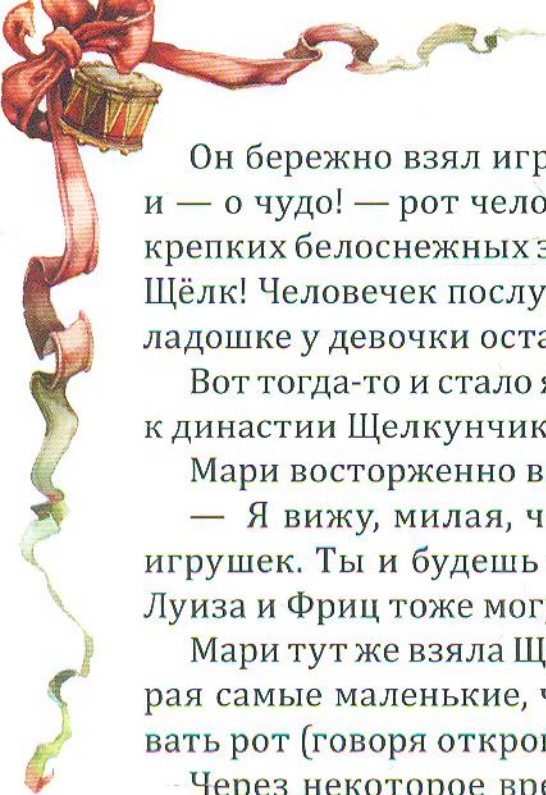

На самом же деле Мари не захотела отходить от стола с подарками по другой причине: она увидела кое-что, чего не заметила раньше. Когда Фриц увёл своих гусаров, взгляду открылась необычная игрушка. Странный человечек тихо и скромно стоял себе в сторонке, ожидая, когда до него дойдёт очередь. Он был замечательный, хотя ни ростом, ни осанкой не вышел: чересчур длинное массивное туловище вовсе не соответствовало нижней части — коротким тоненьким ножкам, да и голова была великовата.

В общем, красотой человечек не отличался, зато одет был модно и со вкусом, что указывало на его знатное происхождение. Парадная сиреневая куртка с белыми позументами, вся в пуговичках, гусарские рейтузы, сапожки, которые так плотно облегали тонкие ножки, словно были нарисованы. (В действительности вряд ли офицеру, а тем более студенту когда-либо доводилось носить подобные сапоги.) Правда, при таком нарядном костюме как-то нелепо выглядел узкий, неуклюжий деревянный плащ, накинутый на спину. Да и смешной колпак рудокопа, нахлобученный на голову, в общую картину тоже не вписывался. «Крёстный тоже носит почти такой же плащ и отвратительную шапку, — подумала Мари. — Но и в этой одежде он остаётся моим милым крёстным!» Вместе с тем ей казалось, что даже если бы крёстный одевался так же щеголевато, как этот человечек, то всё равно он не был бы столь очаровательным. Маленький человечек понравился ей с первого взгляда, однако, только приглядевшись к нему внимательнее, Мари заметила, что у него ещё и удивительно приветливое лицо. Светло-зелёные, чуть навывкате глаза светились добротой, а на губах играла милая улыбка.

— Ой! — воскликнула Мари. — Дорогой папочка, а для кого этот человечек, который спрятался под ёлкой?

— Вон тот? — переспросил Штальбаум. — Этот человечек, милая, будет трудиться для всех вас — щёлкать самые твёрдые орехи. Он куплен и для вас с Фрицем, и для Луизы.

Он бережно взял игрушку из-под ёлки, приподнял деревянный плащ, и — о чудо! — рот человечка вдруг широко раскрылся. Увидев два ряда крепких белоснежных зубов, Мари догадалась положить между них орех. Щёлк! Человечек послушно разгрыз его, и на стол упала скорлупка, а на ладошке у девочки осталось вкусное ядрышко.

Вот тогда-то и стало ясно, что очаровательный человечек принадлежит к династии Щелкунчиков и продолжает дело своих предков.

Мари восторженно вскрикнула, и её папа заметил:

— Я вижу, милая, что Щелкунчик понравился тебе больше других игрушек. Ты и будешь присматривать за ним, хотя, как я уже говорил, Луиза и Фриц тоже могут пользоваться его услугами. Береги его.

Мари тут же взяла Щелкунчика в руки и стала давать ему орехи, выбирая самые маленькие, чтобы человечку не приходилось широко открывать рот (говоря откровенно, его это не красило).

Через некоторое время к Мари подошла Луиза — попросила, чтобы Щелкунчик наколот орехов и ей. С этим заданием он справился отменно и, по-видимому, весьма охотно, поскольку приветливая улыбка на его лице ничуть не увяла.

Фрицу тем временем поднадоело муштровать своих гусар и скакать на гнедом, поэтому, услышав весёлые «крэк» расколотых орехов, он сразу же помчался к сёстрам. При виде смешного человечка Фриц захохотал, однако ему тоже захотелось орешков, и он потянулся за Щелкунчиком. Тот начал переходить от одного к другому, непрестанно то разевая, то закрывая рот. Фриц выбирал самые большие, самые твёрдые орехи, и в какой-то момент, когда Щелкунчик трудился для него, внезапно раздался треск. Бросив взгляд в сторону брата, Мари с ужасом увидела, что у славного Щелкунчика выпали три зуба, а нижняя челюсть отвисла. Фриц потребовал, чтобы человечек продолжал колоть для него орехи, но Мари вступилась за Щелкунчика. Дети громко заспорили, и взрослые решили вмешаться...

— Я поручил Мари заботиться о Щелкунчике, — объяснил Штальбаум-старший, — и вижу, что теперь он особенно нуждается в её помощи. Отныне Щелкунчик полностью переходит под её опеку, и я запрещаю кому бы то ни было вмешиваться в то, что она делает. А Фриц, который требует продолжения службы от пострадавшего при выполнении, очень меня удивляет. Как хороший полководец, ты должен бы знать, что раненого никогда не оставляют в строю.

Сконфуженный, Фриц тут же потерял интерес и к орехам, и к Щелкунчику. Тихонько обойдя стол, он расположился там, где устроились ночевать его гусары (как положено, под надзором часовых).

Мари подобрала выпавшие у Щелкунчика зубы, подвязала ему челюсть красивой белой ленточкой, снятой с платья, и заботливо укутала его в носовой платок. Бедняжка, он, наверное, очень испугался, ведь лицо у него было белым как мел. Покачивая его на руках и баюкая, словно малое дитя, Мари принялась рассматривать красочные картинки в книжке.

Увидев это, Дроссельмейер стал подсмеиваться над тем, что она нянчится с каким-то уродцем. Мари не имела привычки злиться, но тут очень рассердилась. И вдруг её осенило: не случайно же, едва увидев Щелкунчика, она заметила его сходство с крёстным!

— Как знать, дядя Дроссельмейер, — пробормотала она, — будешь ли ты таким красивым, как мой милый Щелкунчик, даже если принарядишься и обуешь такие же славные сапожки...

Мари не поняла, почему папа и мама засмеялись и почему у крёстного покраснел нос, а сам он смеяться перестал. По-видимому, на то были свои причины.

